

Вечерний Воронеж

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Этот добрый, добрый, добрый мир!

Ранса КИРИЛЛОВА, актриса драматического театра имени А. Кольцова

— Ранса, вы не воронежская и в нашем городе живете и работаете не так давно. Вы уже привыкли к Воронежу? К его людям?

— В общем, да. Хотя сам город я знаю еще плоховато. А люди? Для меня это те, кто ходит в наш театр, кого я вижу в зале. В Воронеже очень занятый зритель, остро реагирующий на все, что происходит на сцене. Он очень доброжелателен, когда спектакль ему близок, и беспощаден, когда сценическое действие ему не совсем понятно или он не находит в нем ассоциаций.

Бывает, что случайно в зале соберется публика, не очень искусственная в театральном искусстве, и не хочет, не принимает спектакля, тогда вдруг ощущаешь, что ты не нужен, что ты лишний. Бывает и наоборот, когда приходит знающая и умная публика, а спектакль почему-то идет не так, как хочется. И то же ощущение — неудовлетворенности, злости на себя.

И все же воронежский зритель чудесный. После спектакля «А зори здесь тихие...» видишь, как удивительно подобрали глаза людей. Они уходят из театра притихшими, просветленными, возвышенными, если хочешь. И как бы ни устал, как бы ни вымотался духовно и физически — а «Зори...» очень трудный спектакль для актеров — думаешь: это то, что надо, не зря работал.

— И тогда работа приносит наибольшее удовлетворение...

— Больше, но не полное. Мне кажется, что настоящий актер никогда не бывает собой доволен, а значит и удовлетворен. После каждого спектакля — думаешь, думаешь... Иногда реву даже. Сыгранная роль перед зрителями — итог. Поэтому я играть перед зрителями люблю меньше, чем репетировать.

Репетиция — это всегда поиск, процесс рождения. Тут можно импровизировать, разумеется в рамках, созданных режиссером, пробовать бесконечное количество раз, находить какие-то характерные штрихи. В спектакле перед публикой этого, конечно, делать нельзя, а то может рассыпаться вся сложная конструкция.

— И все же молодые актеры писали и говорили, что играть в театре интереснее, чем, скажем, в кино. Там заснятое на пленку переделать невозможно, театр же — постоянный творческий процесс.

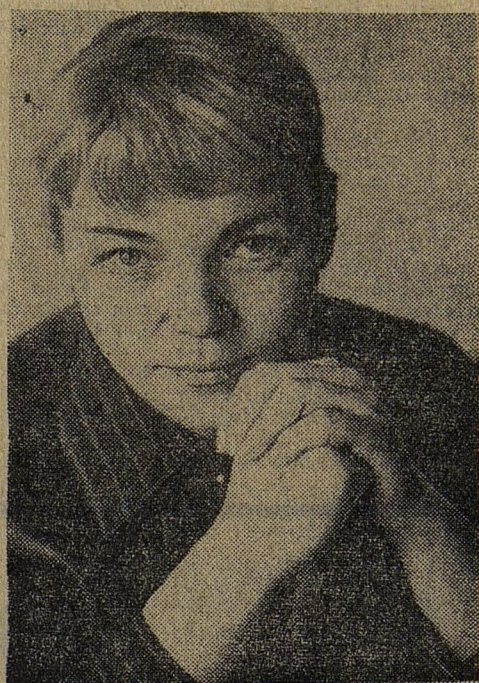
— Конечно. Каждый спектакль — другой. Даже тот, который идет уже не первый год. Недавно я перечитала «Трамвай «Желание» и, к ужасу своему, поняла, что делаю все не то и не так.

«А зори здесь тихие...» театр поставил не так давно. Хотя спектакль сыграли уже не один раз. Но я продолжаю работать над ролью Риты Осаниной. И другие актеры тоже. И, конечно же, сам спектакль меняется.

«Зори...» очень интересная вещь. Мне кажется, что основная в ней мысль — женщине противопоставлена война. Но при всем при том «Зори...» — спектакль не столько о войне, сколько о войне как поводе к большому и серьезному разговору.

Есть в мире вещи, о которых надо постоянно напоминать, особенно молодежи, для которой минувшая война — далекая история. И в этом напоминании есть напоминание о том, в какое время мы живем, для чего и для кого живем, попытка посмотреть на сегодняшнюю нашу жизнь со стороны тех великих и героических дней, утверждение, что главное для человека — искать и делать добро. Везде и всюду.

— Ранса вы окончили режиссерское от-

деление ГИТИСа, а стали актрисой. Не мешает ли вам ваше режиссерское начало? Ведь режиссер-постановщик видит, вероятно, будущий спектакль иначе, чем вы. Не появляется ли у вас желание вмешаться?

— Режиссерское начало, конечно же, все время присутствует. И в чем-то я могу посоветоваться, даже поспорить с режиссером, — ведь когда работаешь над ролью, как компонентом спектакля, тут-то режиссерское и лезет, — но все же ориентируюсь на требования постановщика.

Нет, мое режиссерское образование мне не мешает. Скорее наоборот: позволяет смотреть на себя со стороны.

Есть у меня и еще одно зеркало — мой партнер. Без партнера я вообще не умею работать. Партнеры разные, даже в одном спектакле, и ведут они себя, естественно, по-разному. И если партнеру я верю больше, то стремлюсь подтянуться до него. Но только на репетициях. А спектакль — телега, запряженная доброй лошадью, которая прекрасно знает свой путь и никуда свернуть не может.

— Чувствуете ли вы до премьеры — получилась роль или нет?

— Всегда надеешься на лучшее. Но «хорошо» или «плохо» — это выясняется только на спектакле, когда в него включается четвертый участник — зритель. Он вносит свои поправки и определяет ценность и нужность спектакля.

Я люблю играть перед зрителями. Мы часто возим в деревню «Светит, да не греет». Так вот, на деревенской сцене играешь крупнее, выпуклее, острее. И тогда спектакль превращается в забавную интересную игру.

— Вы часто играете женщин неудовлетворенных, несостоявшейся судьбы, что ли, неуверенных в себе.

— Вы имеете в виду Бланш в «Трамвае»?

— Не только. И Валька в «Иркутской истории», и Оленька в «Светит, да не греет...» И так получается у вас, что уже в самом начале спектакля ощущаешь эту, пусть глубоко скрытую, трагичность.

— Может, это одна из сторон характера русской женщины.

А может, эта неудовлетворенность проявляется только на людях.

Мне нравятся все женщины, которых я играю. Она для меня самая красивая, самая умная, самая хорошая. Самая-самая... Но за 5—6 дней до прогона я ее ненавижу: ничего не получается. Не сплю. Думаю. А потом ничего. Снова ее люблю.

— Музыка? Живопись?

— Меня трогает Бетховен. Чайковского готова слушать всегда. Чюрленис — и композитор и художник. Его музыка создает ощутимые зрительные образы. Его художественные произведения вызывают четкие звуковые ассоциации. А вообще в живописи люблю контрасты, поэтому предпочитаю графику.

— Что вы себе пожелаете 8 Марта?

— Много цветов.